

Ф. Фурман

Массовое образование и филантропия в греческих полисах¹

Эфебии даже на пике своего расцвета уже были привилегированной школой, потому что доступ к этому высшему эллинскому образованию был закрыт для сыновей большинства граждан греческих городов-полисов. Причина проста и о ней уже говорилось раньше – они далеко не всегда имели средства, чтобы дать своим сыновьям требуемое предшествующее образование.

И все же это неравенство не помешало большинству граждан полисов научиться писать и читать, в чем убеждает опыт афинской демократии уже в 5 в. до н.э. В процедуре остракизма² могли участвовать только грамотные граждане, поскольку каждый должен был написать имя изгнанника на глиняном черепке. О том же говорят и тексты некоторых пьес, поставленных в Афинах для широкой публики – в них есть сцены, требующие от зрителей умения читать по буквам. Массовая правовая грамотность вообще была характерна для Афин, где радикальная демократия и расцвет культуры гораздо сильнее подталкивали детей рядовых граждан, прежде всего, мальчиков, к получению начального образования. Многие зависело и от места проживания – в городе или деревне, причем в некоторых деревнях и городках также могли быть школы. По свидетельству историка Фукидида (5 в. до н.э.) в одном из городков Беотии (север материковой Греции) было даже три школы. Позднее, в эллинистическую эпоху, во всех районах компактного проживания греческого населения считалось нормой для сыновей всех свободных граждан, нередко и для девочек, посещать школу, и их учебу контролировал назначенный властями наставник юношества.

Однако, то, что большинство родителей могли позволить себе начальное образование своих детей, объяснимо, прежде всего, *низкой оплатой учителей*. Она была столь малой, что даже бедные граждане могли послать детей в школу хотя бы на пару лет. Уровень образования в школах для бедных был невысок, и они пользовались дурной репутацией у знатных и богатых граждан. Когда

---

¹ Настоящий текст является 6-й публикацией о греко-римской традиции филантропии на [сайте автора](#) (размещен здесь полностью в формате PDF). Представляет собой вторую часть раздела, посвященного теме «Филантропия греков и римлян в образовании и культуре». Первая часть – в публикации на сайте (полная в PDF) от 1 авг 2018. Продолжение темы – в следующих публикациях на сайте.

² Решение народного собрания афинских граждан числом не менее 6 тыс. чел. об изгнании из страны на 10 лет неугодного политического деятеля.

Демосфен (4 в. до н.э.) хотел унижить своего политического противника – другого выдающегося оратора Эсхина, он позорил его учебой в такой частной школе, владельцем которой и – одновременно учителем – был его отец.

Положение как учителей, так и хозяев этих доступных низам школ было нелегким. Учителя соглашались работать за небольшую плату, нередко натурой, к примеру, сыром, зерном, вином, шерстью, а если платили деньгами, то немного и нестабильно. Хотя невыплата жалования учителю считалась признаком дурного тона и проявлением крайней алчности, владельцы таких школ нередко были вынуждены к этому малым числом учеников и переманиванием их конкурентами. Статус учителей частных школ в Афинах согласно этике того времени был довольно низким – ведь они, как презренные ремесленники и торговцы, трудились ради заработка. И если о человеке долгое время не было вестей, соседи и друзья могли сказать: «Он, верно, умер, или стал учителем». Пропавший, как видно, ведет слишком убогую жизнь, чтобы подать о себе весть.

Естественно, что пожертвования таким школам были весьма уместны. Сохранились надписи о филантропии и на этом уровне, но их очень немного в сравнении с обилием надписей о пожертвованиях в пользу эфебией. В двух из них, относящихся к эллинистической эпохе, идет речь о частных дарениях в поддержку низших ступеней тогдашнего образования. Обе надписи относятся к известным ионийским городам на западе Малой Азии – одно к Теосу (середина 3 в. до н.э.), другое к Милету (на рубеже 3 и 2 вв. до н.э.)³.

Особенно интересен второй, сохранившийся полностью, документ, в деталях описывающий процедуру оформления дара и воздания почестей донору⁴. Как следует из утвержденной народным собранием (ассамблеей) Милета памятной надписи, некий Эвдемос решил «принести пользу своим согражданам и оставить навсегда *память о своей любви к славе*, для чего обещал пожертвовать для образования свободнорожденных детей 10 талантов серебра (*1 талант – примерно 30 кг серебра*) от себя и своих братьев...». У сограждан, как мы видим, нет сомнений в том, что донор имеет право на вечную славу в обмен на щедрость.

Далее в декрете идет речь о том, как законно и прозрачно принять и как расходовать этот дар именно на образование детей, а также и о том, как воздавать почести, почти религиозные, Эвдемосу не только при жизни, но и после смерти, с участием его

---

³ A. R. Hands, *Charities and Social Aid in Greece and Rome*, Cornell University Press, 1968 (далее – Hands, 1968), p. 121.

⁴ Там же, p. 195-97. Doc. 47.

старших наследников. Эвдемос должен отдать все деньги казначейству, оно – управителям полисного банка, которые зачисляя ее на именной счет «Завещательный фонд Эвдемоса на образование детей свободных граждан», не спускают затем с этих денег глаз и передают их «по акту» тем, кто их сменяет в этой должности. Этот финансовый механизм, сродни современным, дополняется распоряжениями о том, как обойтись с годовым доходом от этого вклада в сумме 300 статеров (1 талант – 3000 статеров, отсюда, годовой доход – 10% к вкладу), которые и пойдут на поддержку образования детей.

Любопытен и ежегодный порядок отбора школьного персонала, призванный обеспечить детям, как того хотел даритель, наилучшее образование. Те, кто хочет стать тренерами по гимнастике и учителями элементарных дисциплин, регистрируются у избираемого народом наставника, или инспектора юношества (*пайдонома*), их имена затем обнародуют во всех публичных местах для обсуждения. После вдохновляющих религиозных церемоний – курений фимиама в честь богов-покровителей различных искусств и наук (Гермеса, Аполлона и Муз), обращенных к ним молитв их жрецов – ассамблея, в присутствии Эвдемоса или его наследников, приступает к гласному выбору достойных школьных наставников.

В документе приведена клятва добросовестности четырех избранных счастливиц и их заработок, а также санкции за, как сказали бы сейчас, «нецелевое расходование средств». Записано следующее: «...деньги, предназначенные для учителей, не должны быть никоим образом обращены на другие цели и, если кто бы то ни было будет говорить, выдвигать, ставить на голосование предложение об этом, а также неразумно тратить установленную сумму или недоплачивать учителям, пусть тот заплатит штраф в 500 статеров жрецам Гермеса и Муз».

Наконец, декрет утверждает почести донору за его щедрость и заботу о детях. Славящий Эвдемоса текст этого декрета высекается на двух колонах из камня, устанавливаемых для народного обозрения и восхищения: одна в борцовской школе для мальчиков, другая в храме Аполлона Дельфийского – в зале, специально освященном Эвдемосом. Его также привлекают к исполнению важных религиозных и праздничных обязанностей, а в пятый день каждого месяца (вероятно, день рождения филантропа, «влюбленного в славу») объявляется праздничным для всех учеников основанной им школы и они освобождаются от занятий. Велено, чтобы им всегда объявляли тому повод, и чтобы *пайдемон* (наставник школы) занес этот день в список установленных законом праздников. Нередко так складывался культ филантропа-основателя школы или гимназии, дававший ему право быть похороненным в их стенах.

Содержание милетского декрета стоило так подробно изложить, потому что оно является наглядной иллюстрацией античной системы поощрения

филантропии. Декрет, посвященный Эвдемосу, демонстрирует тот баланс интересов, который складывался между частными филантропами и народом в греческих городах-государствах. Первые охотно жертвуют большие суммы на достойные цели, зная, что вторые столь же щедро отблагодарят их знаками бессмертных почестей.

Хэндс, однако, наносит на эту, казалось бы, благостную картину, мрачные мазки. Конечно, говорит он, обе стороны довольны, но каково при этом учителям и тем родителям, которые нуждаются настолько, что не могут себе позволить послать детей в эту наиболее доступную школу? Из милетского документа следует, что об особой поддержке таких детей нет никаких упоминаний, а учителя за свою нелегкую работу получали чуть больше, чем обычный афинский матрос. И это неудивительно, потому что прижизненная и посмертная слава донора требовала в традициях эпохи серьезных затрат. Более половины доходов от фонда Эвдемоса шло на религиозные и праздничные церемонии с дорогостоящими жертвами богам и храмам.

В двух других случаях, описанных греческим историком Полибием и относящихся ко 2 в. до н.э., также идет речь о пожертвованиях в пользу элементарного образования, но они носят «интернациональный» характер, будучи дарениями царей Пергама (Малая Азия) греческим городам-полисам. Любопытно, что последние заслужили упреки Полибия в недостатке патриотизма у собственных филантропов⁵.

Первое пожертвование было сделано знаменитым Эвменом II (197-159 гг. до н.э.). Это он помог Риму одолеть последнего независимого царя из династии Селевкидов – Антиоха III, получив в награду все его владения. Он же превратил г. Пергам – столицу своего царства в один из главных культурных центров античного мира со вторым после Александрии книгохранилищем. Накопленные богатства и жажда славы сделали его одним из самых известных филантропов эллинистической эпохи. В 162 г. до н.э. Эвмен II пожертвовал когда-то цветущему Родосу большое количество зерна с условием, что доход от его продажи пойдет «на оплату учителей и тренеров в школах для мальчиков», ввиду недостатка пожертвований своих филантропов. Несколько лет спустя его брат и наследник Аттал II по той же причине и на те же цели передал г. Дельфы по его срочной просьбе 18 тыс. драхм серебром, которые также пошли на оплату учителей частных начальных школ. И в этих случаях, отмечает Хэндс, особо не оговаривается помощь детям из семей бедных

---

⁵ Hands, 1968, pp. 122-123.

граждан, для которых последний день каждого месяца считался самым горьким днем, ибо в этот день учитель требовал свою плату, а не платить учителю считалось крайне неприличным...

Если пожертвования частных лиц в поддержку начального образования были весьма редкими, можно ли предположить, что общиной они готовы были взять на себя бремя расходов для обучения всех граждан, включая нуждающихся? Редкие свидетельства античных авторов на этот счет говорят скорее об обратном. Так, Диодор, греческий историк 1 в. до н.э., сообщает о греческом законодателе Карондасе из Катаны (о. Сицилия), который, готовя еще в 7 в. до н.э. законы для новых колоний в Южной Италии, был озабочен тем, чтобы обеспечить сыновей *всех* граждан элементарным образованием, чем, мол, пренебрегали предыдущие законодатели. Его также заботили и средства для оплаты учителей за счет городских фондов, ибо, полагал он, «те, кто не имеет достаточных средств для жизни, отстраняются тем самым от благородных устремлений»⁶. Хэндс замечает, что Диодор, писавший свою известную «Библиотеку мировой истории» шесть веков спустя, выражает скорее свою осведомленность о традиции создания образовательных публичных фондов за счет частных пожертвований в его время, чем реальную практику эпохи Карондаса. Даже если последний и предлагал устранить в законах упущения своих предшественников насчет образования, то эти «упущения» скорее отражали уравнивательные тенденции тогдашней схемы основания колоний, чем нежелание этих законодателей дать детям всех граждан равные шансы. В этот период каждый поселенец получал свой участок земли и предполагалось, что, обрабатывая его, он должен стать «человеком со средствами к жизни», который может покрыть и все дополнительные расходы, включая начальное образование детей, за свой счет. Но, с другой стороны, продолжает Хэндс, можно с большим основанием предположить, что Карондаса толкнули на его идею ограничения, налагаемые имущественным цензом на получение гражданства, следовательно, на публичное образование. В этом случае в новых колониях могла сложиться система Спарты, где, как уже говорилось ранее, государство давало с детства образование всем спартиатам, исключая из него большинство остального населения – свободных жителей-неграждан (периеков) и, конечно же, закрепощенных илотов.

---

⁶ Там же, р.123-124.

Если обратиться к античным философам, то и в 4 в. до н.э. Платон и Аристотель по-прежнему ограничено толковали право на гражданство и образование жителей греческих полисов.

С одной стороны, оба отмечают отсутствие в их время какого-либо поддерживаемого государством образования для детей афинян и горячо протестуют против этого. Платон ввел бы закон о том, что отец не должен по своей прихоти ни посылать, ни забирать своего сына в детстве из школы, что, напротив, всех детей, следует, насколько возможно, *принудить* получить образование. Аристотель же настаивает на том, что система обучения должна быть одной и той же для всех и что нельзя оставлять ее, как это происходило в его время, в частных руках, когда каждый родитель обеспечивает его за свой счет и наставляет учителя на свой лад, как тому учить его сына.

С другой стороны, как Платон исключает в своем идеальном государстве из гражданства торговцев и ремесленников, так и у Аристотеля наилучшая форма государства не должна принимать в граждане «механиков», то есть людей, занятых ручным трудом. На том, мол, основании, что человек, ведущий такую жизнь, не может заниматься предметами, относящимися к совершенствованию личности и искусству. Не допуская детей неграждан к образованию, оба великих философа считали вместе с тем, что дети граждан обязаны его получить не столько оттого, что у них есть на это право, сколько потому, что образованный гражданин – особая ценность для государства; следовательно, они *не столько дети своих родителей, сколько дети государства*⁷.

Раз не все граждане могли дать детям частное начальное образование, продолжить обучение в гимназиях могли немногие, хотя по закону они были общедоступны. Лишь иногда перипатетики⁸ – последователи Аристотеля могли читать для всех открытые лекции, чаще для утверждения собственной репутации, чем из благотворительных побуждений. Одним из них был Эпикрат, сын Деметрия, получивший, как следует из почетной надписи ок. 200 г. до н.э., публичное одобрение и гражданство Самоса (остров в Эгейском море), поскольку, он, долго проживая здесь, не только учил частным образом, но и был известен своей щедростью – читал бесплатные лекции обычным

---

⁷ Hands, 1968, pp. 124-125.

⁸ *Перипатетики* – члены основанной им философской школы в гимназии Ликей (Афины). От *перипатос* – галереи, расхаживая в которой философы, начиная с Аристотеля, обучали здесь своих учеников.

людям⁹. Утверждают, правда, что Эпикрат относился к разряду ученых, которые *обычно* учили за плату.

Некоторые из знаменитых греческих философских школ придерживались взглядов Сократа, считавшего, что тому ученому нельзя брать плату, чья миссия состоит в познании истины и распространении ее среди своих учеников. Образование на самом высоком уровне по Сократу должно быть выше материальных выгод. Возможно, из этих соображений – быть выше материальных выгод – школа Платона в *Академии* и Аристотеля в *Лицее* (позднее школы Эпикура и других философов и ученых) были организованы как религиозные братства с поклонением Музам и церемониями у их алтаря. Это позволяло также избежать подозрений в создании незаконных политических организаций.

Ученики знаменитых философских школ, особенно из знати и магистратов полисов, а с ними и многие из их сограждан, полагали, что их основателям следует оказывать «стандартные» (то есть с надеждой на бессмертие), филантропические почести. Ведь они не только прославляли Афины и другие города, где учили, но и привлекали пожертвования для школ и «инвестиции» чужеземцев в города. Они заслужили эти почести созданием не только самих школ, но самой атмосферой свободного образования, культивируемой ими в публичных гимназиях Афин и расходящейся волнами по всему античному миру. Именно поэтому уместно рассмотреть отдельно (и хотя бы кратко) историю основания и развития этих школ, тесно переплетенную с филантропическими традициями античности.

Продолжение темы в следующих публикациях на сайте «Филантропия в Америке»

---

⁹ Hands, 1968, pp.127, Doc.53.